

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 131 (4097)

Суббота, 24 октября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Завтра - день поэзии

Леонид ЗАВАЛЬНЮК С НОВА СТИХАМИ ПОВЕЯЛО

Снова стихами повеяло
От молодой травы.
Я каждому слову поверю,
Которое скажете вы.
Поверю, что вы наступайте
По руслу новых дорог,
Прочтите мне только по памяти
Десяток хороших строк.

Неужто вы не заметили,
Как, погасив огоньки,
Вечер уходит медленный
По мостовой реки,
Которое скажете вы.
Как падает ночь на грани
С первой каплей дождя?
Зачем же вы молодость грабите,
Мимо стихов идя?

Когда ничего еще не было,
Стройкой пробив тишину,
Поэты открыли небо,
Поэты открыли весну,
Поэты оставили песни,
На ярком огне прожиг,
Ни почестей громких,
Ни пенсий
Под старость не заслужив.
Они прошли великанами,
Покорив обрета в бою.
Они отделили и канули,
Оставив душу свою.
И, кровью сердца окрашенный,
Горит их высокий стих!

Мне жалко молодость вашу,
Идущую мимо них.

Чуть качнув на рессорах,
Время прочит, как тень,
И где-то лет через сорок
Вернется забытый день.
И вновь драгоценным слитком
Сверкнет этих строчек свет —
Подумать:
«У этой калитки
Вам было шестнадцать лет»...
И снова закат весенний
Раскиснет свое крыло.
Мне жалко, что ваше веселье
Мимо стихов прошло.

Тучи — стадо овечье,
Дальних дорог гудки...
Уходит медленный вечер
По влажным саям реки.
Последний облес играет,
За горизонт уходя,
И падает ночь на грани
В синей капле дождя.

Леонид МАРТЫНОВ

ДОРОГИ

Да здравствуют
Искатели дорог!
Ведь тяжело лишь преступить порог.
О, человек,
Следы твоих ног
Лесной всего во времени я вижу —
Как шел ты от Лютеции к Парижу,
Как шел к Улан-Батору от Урги.

Зыбучесть дню
И скользкость автострад,
И в омуты засосанные весла...
Бесчисленное множество преград!
Есть путь в Петербурга в Ленинград
И путь от Христиании до Осло,
И путь, что через Новый Амстердам
Довел до колоссального Нью-Йорка.

И нет конца заботам и трудам,
И каждый шаг — весьма крутая горка,
И все же путь достаточно широк,
О, вечные искатели дорог,
Со всеми вами я готов идти —
Любая речь ясна мне и понятна,
И только с теми не по пути,
Кто, точно в фильме, пущенном
обратно.
Гремя вооруженем до зубов
И яростен до белого каленья,
Дошел до Геркулесовых столбов
Кровавой жажды
взаимнострельной!

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ

СУЩЕСТВУЕТ легенда. Однажды спартанцы, не надеясь победить врага, обратились за помощью к Афинам. Афины послали помощь. Но не мужественный полководец и не войска, блестящие шлемами, щитами и мечами, прибыли в качестве подмоги. В воинском стане спартанцев появился хромой школьный учитель.

«Что это — насмешка?» — подумали сначала спартанцы. Но дело обернулось иначе. Хромой учителем был поэт Тиртей. Своими песнями он так сумел вдохновить идущих в бой воинов, что они наголову разгромили противника.

Еще в самой своей колыбели поэзия человечества была активна, воинствующая, не чуждалась толпы; древнегреческая музыка в белых одеждах не боялась переноситься мечом и предстать перед тысячами грубых воинов. Демосфен писал о назначении поэта: Твой стих, как божий дух, носился над толпой И, отзвываясь благородных, Заучал, как колокол на башне вечевой. Во дни торжеств и бед народных.

Но в сложнейшем процессе развития поэзия на земле была и такая тропинка, которая увела в уединенные башни средневековых замков, в кущи роз, в хрустальному ручейку, подальше от проезжей каменной дороги, где полыхает злой и где губы людей чернеют от жажды...

Не воинский стан, а гостинная, обтянутая шелком; не толпы людей «во дни торжеств и бед народных», а замкнутая горстка пресыщенных жизнью эстетов; не думы и чувства народа, которыми дышит стих, а мелкие переживания уютных душ; вместо звучных и стройных строк («Лилии медь торжественной латыни поет на пятах, как труба») — обескровленный, вялый стих. А потом отказ от созвучия, а потом отказ от музыки, а потом расщепление формы, а потом заумь...

А когда это всеполюбно не хотят читать, удобнее всего притвориться, что люди не досрочи до понимания искусства и что вообще нет дела до людей, до презренной толпы, что «жрец искусства» перерос толпу и может быть понятен только одному себе. Выставить бы такого чирьякащего поэта перед когортами спартанского войска, идущих в сражение, или перед колоннами парижан, штурмующих Бастилию!

Советская поэзия может гордиться тем... Нет, вернее сказать, советский народ может гордиться своей поэзией, ибо, когда случилась самая большая беда, поэты оказались в самом ее горниле.

Вплотке, полевых погонях и кирзовых сапогах так называемая муза позала за попластунки, тряслась в кабине попутного грузовика, ела консервы в блиндаже. Мне рассказывали болгарские поэты, что в дни сопротивления и подполья, окруженные фашистами, они как молоту, как клятву, как символ веры твердили назусть дошедшие до них строки советского поэта:

Так убой же хоть одного!
Так убой же его скорей,
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убой!

Кто из нас может забыть, как сжимала горло спазмы, какой дробью закипала сердца, когда с торжественностью гимна звучала песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...
Если взрослые, отнюдь не оклонные к сентиментальности мужики плачут, как

Вл. СОЛОВЬЕВ

Дневник ПИСАТЕЛЯ

да прочитаешь им назусть «Враги сожгли родную хату...» Михаила Неаковского, если «Василий Теркин» по строчкам разошелся в народе, если нет человека, который не знал бы песни про зем-

лянку, если томик Шнышева найдется в каждом студенческом общежитии, если стихи Дмитрия Кедрина заучиваются наизусть, если в любой стране земного шара, стоит вам только запеть, тотчас наверняка подхватят нашу русскую советскую песню («Эту песню не задушишь, не убиешь!»), — значит, прав был поэт Мартынов, написав, как всем известная символическая муза, вырвавшись из фашистского плена, раненная в белоснежное крыло, с оккупированного Парнаса прилетела именно к нам:

И Борей меня вынес, суров,
Там из пламени книжных костров.
Вы мне рады?
Да, мы рады!
Здесь, у гиперборейских снегов,
Ты зашнуровал от врагов,
Дочь Эллады!

Русская поэзия, если брать ее сержень, всегда была демократичной, всегда была обращена к самым широким народным массам. Но, конечно, никогда она не была такой демократичной, какой стала теперь, когда мы называем ее — советская поэзия.

Она многообразна. Александр Прокофьев не похож на Илью Сельвинского; стих Светлова не спутаешь со стихом Кирсанова; Николай Грибачев отличается от Ярослава Смелякова, а Случинский от Гудзенко, а Доризо от Недогонова, а Вадим Шефнер от Михаила Львова.

Она активна. Сесть в первый эшелон и уехать на целину (Александр Лилин и Илья Сельвинский); улететь в Красноярский край и путешествовать по Сибирь (Лев Ошанин); присутствовать на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (Николай Грибачев); проехать вдоль всей страны от начала до конца (Александр Твардовский); у стапелавильных печей, в шахтах, на стройках ГЭС, в колхозе на уборке урожая — всюду мы встречаемся с советской поэзией.

Ее ряды постоянно пополняются. Недавно я прочитал напечатанное в газете письмо, в котором пять молодых советских поэтов дали ответ господину из Западной Германии, решившему, что эти пять поэтов, представляющие, по его мнению, советскую молодую поэзию, живут в условиях принуждения. Ответ был правильной. Они упустили в своем ответе молодые люди: советская молодая поэзия не так бедна, чтобы выразителями ее могли явиться пять или шесть человек. Пусть заблуждается на этот счет господин из Западной Германии, нам-то заблуждаться нечего.

Прошедшая по фронтам поэтеза Юлия Друнина; глубокий лирический поэт (остающийся лириком и в своих поэмах) Василий Федоров; со своеобразным, ярким почерком — Евгений Винокуров, талантливый Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Владимир Соколов, Константин Ваншенкин, Виктор Гончаров, Григорий Поженян, Михаил Голенин; поэт-эпосист Едуард Асадов, чья поэма «Снова в строй» любима молодежью, Валдим Сикорский, Валентин Берестов, Александр Николаев, Евгений Елисеев. А если брать еще более молодое поколение: Алексей Смольников, Дмитрий Былинский, Андрей Винокуровский, Владимир и Илья Фирсов, Герман Валыков...

А большой могучий отряд молодой поэзии Ленинграда. Там можно найти десят-

ки имен! Владимир Гордейчев — живущий в Воронежске; сталинградцы — Маргарита Агашина, Юрий Леднев и Федор Сухов; хабаровчанка Римма Казакова; уехавший в Заполярье Михаил Скороходов, алмазница Леонид Кривошецов, черноморец Фазиль Искандер...

Какие все это разнообразные и интересные поэты!

За то, что наша поэзия активна, за то, что она демократична, за то, что она отдала себя в служение народу, — народ полюбил ее.

Не праздное любопытство, не желание заполучить автограф приводит сотни и тысячи москвичей на площади, в аудитории или в книжных магазинах, где выступают поэты.

Поэзию с народом в нашей стране связывают иные отношения, которые лучше всего и полнее всего можно назвать замечательным словом дружба.

Плотина Берингова пролива

Всёобщее потепление ощущается в мире после исторической поездки Н. С. Хрущева в США. Люди «холодной войны» тают, дают трещину. Люди всей земли проникают сознанием, что мирное сосуществование народов, отказ от войны, естественное разрушение открывают эпоху осуществления грандиозных замыслов благоустройства нашей планеты.

Безгранична власть человека над природой. Современная наука и техника вооружила его могучими средствами преобразования бесплодных пустынь, покорения космоса, изменения климата, овладения могоуем и неисчерпаемой энергией атома.

Мы публикуем сегодня статью о смелом проекте советского инженера, лауреата Сталинской премии П. М. Борисова, мечтающего воздвигнуть в Беринговом проливе грандиозную плотину и с ее помощью преобразить Арктику — изменить климат заполярных районов, превратить огромные пространства вечной мерзлоты на территории СССР, США, Канады в плодородные паши.

«Литературная газета» обращается к ученым, инженерам всего мира с просьбой рассказать на ее страницах о своих творческих замыслах, проектах, направленных на благоустройство жизни на земле.

Плотина в Беринговом проливе... Не фантазия ли это? Как бы узнать поточнее!.. Надо, видимо, найти человека, выдвинувшего такую смелую идею. Но кто он? Где его искать? В Академии наук? Арктическом институте? Институте океанологии? А может, на какой-нибудь дрейфующей льдине в Северном Ледовитом океане?..

Но все оказалось куда проще. Троллейбусом можно доехать до Никитских ворот, а тут совсем рядом, в одном из новых домов на Малой Бронной, живет, здравствует и разрабатывает свой необыкновенный проект чудо-плотины лауреат Сталинской премии инженер Петр Михайлович Борисов.

Дверь открыл высокий, широкоплечий, с узкими карими глазами человек. Густо припавшие снежком голова и усы напомнили о том, что в жизни исхожено немало дорог и тропинок.

Книги — вот что сразу бросилось в глаза, когда хозяин дома пригласил меня в кабинет. Книги висят: в шкафах, на шкафах, на полках, поднимающихся к самому потолку, на письменном столе, на подоконнике. И карты, карты, карты... Множество карт земного шара — физических, экономических, климатических.

Мы разговорились о его проекте. — Что ж, может быть, это и фантазия, мечта, но мечта, знаете ли, совсем не такая уж неосуществимая, — сказал Борисов. — Правда, плотина эта, — добавил он, снимая с полки толстую папку, — пока еще легка, ее можно унести под мышкой.

Перелестная левашин на столе объемистый труд по физике моря, я нашел в нем заочный бланк Комитета по делам изобретений и открытий за подписями и печатями. Это было авторское свидетельство № 7337, в котором указывалось, что оно выдано П. М. Борисову за предложение под необычным названием: «Коренное улучшение климата полярных и умеренных широт земного шара».

Плотина Берингова пролива

По мысли автора, это улучшение климата может дать плотина в Беринговом проливе.

Рождение мечты

— Сейчас даже трудно вспомнить, — понимает плечами Петр Михайлович. — Вероятно, давно, очень давно, но, пожалуй, еще в конце двадцатых годов, когда я окончил Московскую горную академию и поехал на Северный Сахалин добывать нефть. Трудно было бурить и строить на мерзлой земле. Суровые морозы доводили нас. Невольно о

тепле думалось... Десятки лет мысль о тепле не давала покоя этому человеку. Зимняя студа осложняла строительство заводов «Нефтегаз» в Москве и Горьком. Она задерживала монтаж первых советских крекингов. Влияние холода на темпы строительства инженер Борисов ощутил и на трассе газопровода Саратов — Москва (кстати, здесь-то Петр Михайлович и награжден Сталинской премией), и в далекой Монголии, где создавался нефтепромысел и строился нефтеперерабатывающий завод, и на многих других стройках.

Борисов все чаще и чаще задумывался об искусственном изменении климата. Строитель, нефтяник, газовик становился в свободные часы климатологом, океанографом, палеонтологом, историком.

В картотеке исследователя значится пять тысяч статей и книг. — они-то и породили его с морями и океанами, холодными и теплыми течениями, раскрыли многие тайны природы. Северный Ледовитый океан, Арктический бассейн — вот где источники сурового климата во многих краях земного шара... Все ясное и ближе становилось идея об искусственном потеплении Арктики.

У карты мира

— Прежде чем рассказать о самой плотине, — начал Петр Михайлович, — хочу предложить вам краткую географическую справку. Посмотрите сюда... — И он раскладывает на столе громадную карту, в центре которой на 13 километрах квадратных километров раскинулся Северный Ледовитый океан.

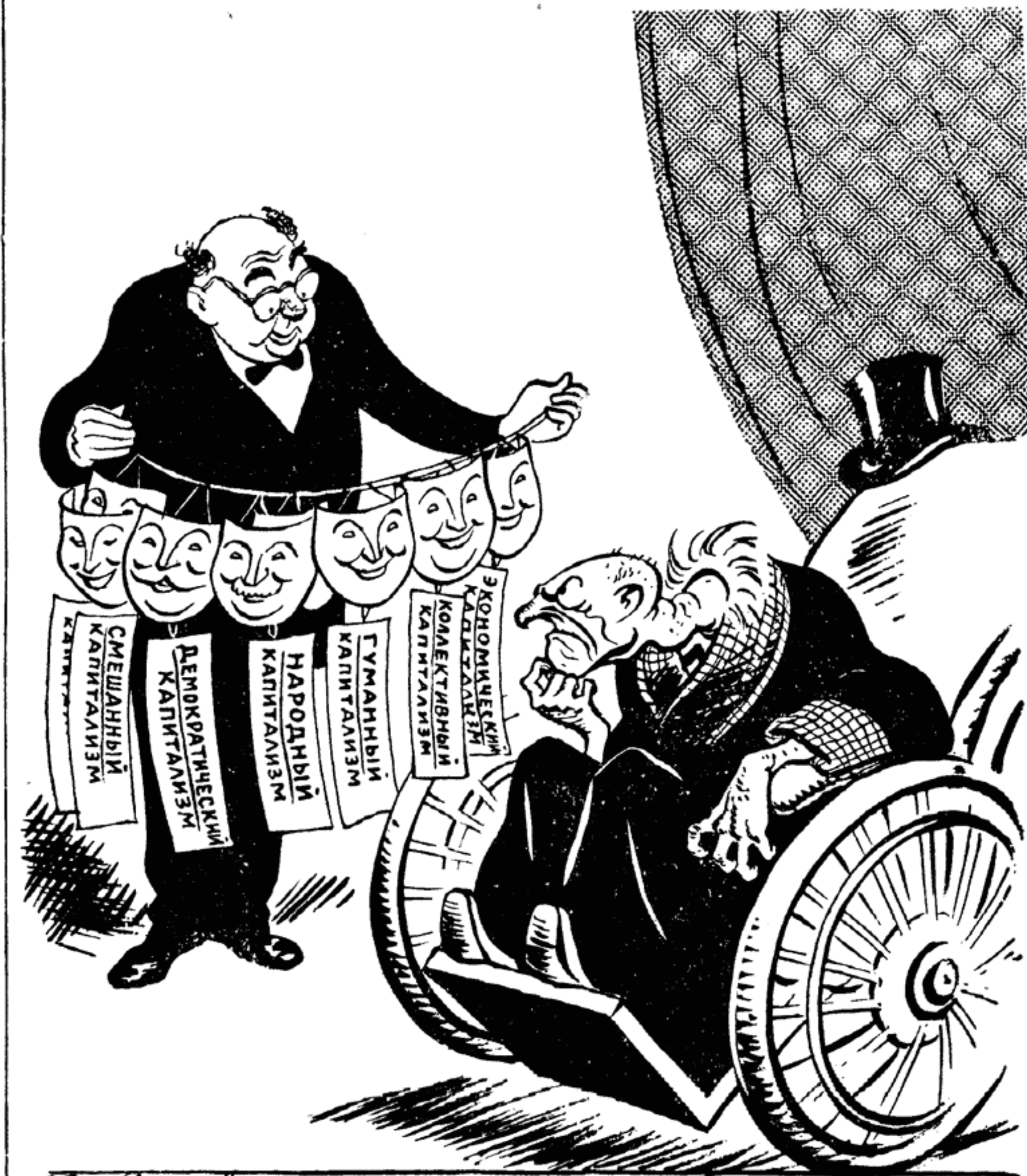
С юга, юго-запада, юго-востока Советский Союз окантован причудливым орнаментом высоких гор. Это значит, что наша страна с трех сторон ограждена от теплых воздушных течений с юга. А с четвертой стороны — с севера? Здесь Советский Союз широко открыт холодным воздушным массам Арктического бассейна. Вот почему почти половина — 47 процентов — этой территории скованы в январе сорокаградусными морозами; 15 процентов — необжитая, безлюдная тундра.

Спускаясь в наши широты с покрытых снегами и льдами океанских просторов, холодный и сухой воздух летом прогревается на равнинах и, как гигантская пивка, жадно высасывает влагу из почвы и растений. Отсюда частые засухи и суховеи в Поволжье, Прикаспийской низменности и ряде других областей.

И еще об одном: холод — это хищник, пожирающий колоссальные средства. Строительство завода, электростан-

«Характерно, что в Америке сейчас многие деятели не называют существующий там строй капитализмом, а придают такое название «народный капитализм», «демократический капитализм», «гуманный капитализм».

Из речи Н. С. Хрущева во Владивостоке 6 октября 1959 г.

Стор. Зринский - 59.

Сказки и маски...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Свободу Жану Бриеру

Телеграмма Президенту Республики Гаити

ПОРТ-о-ПРЕНС

Советские писатели с тревогой узнали об аресте выдающегося поэта Гаити Жана Бриера. Судьба его внушает крайние опасения. Мы помним, как пятнадцать лет назад беззастенчиво поиз известной всему миру крупнейшей гаитянской деятель культуры Жак Румиз, подверженный тогда гонениям и брошенный в тюрьму. Дестали совет-

ской литературы, отдавая должное Жану Бриеру, прославленному Гаити далеко за пределами страны, выражает твердую веру в то, что правительство Гаити прислушается к общественному мнению многих стран мира и прекратит террор в отношении одного из наиболее блестящих сынов своей родины.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Плотина Берингова пролива

Через Берингов пролив! Если здесь соорудить плотину с насосами, которые будут откачивать воду из Северного Ледовитого океана в Тихий, холодные течения парализуются, им «не разрешат» встретиться с Гольфстримом и смешаться с ним.

Одновременно эти насосы будут форсировать и приток теплых вод Гольфстрима. Они их приятный, присосут, «освожденный», сохранивший свое тепло Гольфстрим прямым путем пройдет через Ледовитый океан, без помех отдавая ему свое тепло. Вместо сумбурного противотока теплых и холодных течений, который поддерживал и обновлял ледяной покров, создается прамоток теплых атлантических вод через Полярный бассейн в Тихий океан. Этот прамоток и уничтожит льды.

Но не только это повлияет на потепление климата. Дело в том, что лед и снег отражает в мировое пространство до 90 процентов солнечного тепла. Вода же наоборот: она жадно поглощает тепло. Если вообразить на минуту, что лед в Северном Ледовитом океане уже растоплен, то объем поглощаемого этой водой тепла примерно в полтора раза превысит объем тепла, заключенного в угле, нефти и газе, добываемых теперь ежегодно на всем земном шаре. Скажочно, именно скажочно обогатится наша планета теплом и влагой.

Мечта осуществима!

— Вот теперь, — говорит мой собеседник, — пожалуй, можно перейти к самой идее в Беринговом проливе, которая может решить всю проблему. — И Петр Михайлович раскрывает свою заветную папку. Сотни страниц машинописи со множеством схем, чертежей, рисунков, расчетов...

И снова смотрю на карту... Берингов пролив... Узенькая голубая полоска, соединяющая нашу Чукотку с американской Аляской. И вот здесь-то П. М. Борисов и задумал построить плотину.

Как же все-таки воздвигнуть такое грандиозное сооружение? Ведь совсем не просто закопать в жесткобетон 74 километра плотина глубиной в среднем метров в пятьдесят.

— Плотина мыслится, конечно, сборной, — объясняет Петр Михайлович, — примерно в таком виде... — И он показывает лист ватмана, на котором изображена многотажная лесенка железобетонных коробов — понтонов с вмонтированными в них насосами, вернее, гребными винтами-водоносами. Строить можно эти понтоны, допустим, во Владивостоке и на американском побережье, транспортировать их на плавку к Берингову проливу и здесь, на месте, устанавливать. Я говорю об американском побережье, потому что Канада и Соединенные Штаты также заинтересованы в потеплении Арктики.

— Это, вероятно, сотни миллиардов рублей? — Я попытался прикинуть, сколько же может стоить такое неслыханное в истории человечества сооружение.

(Окончание на 2-й стр.)

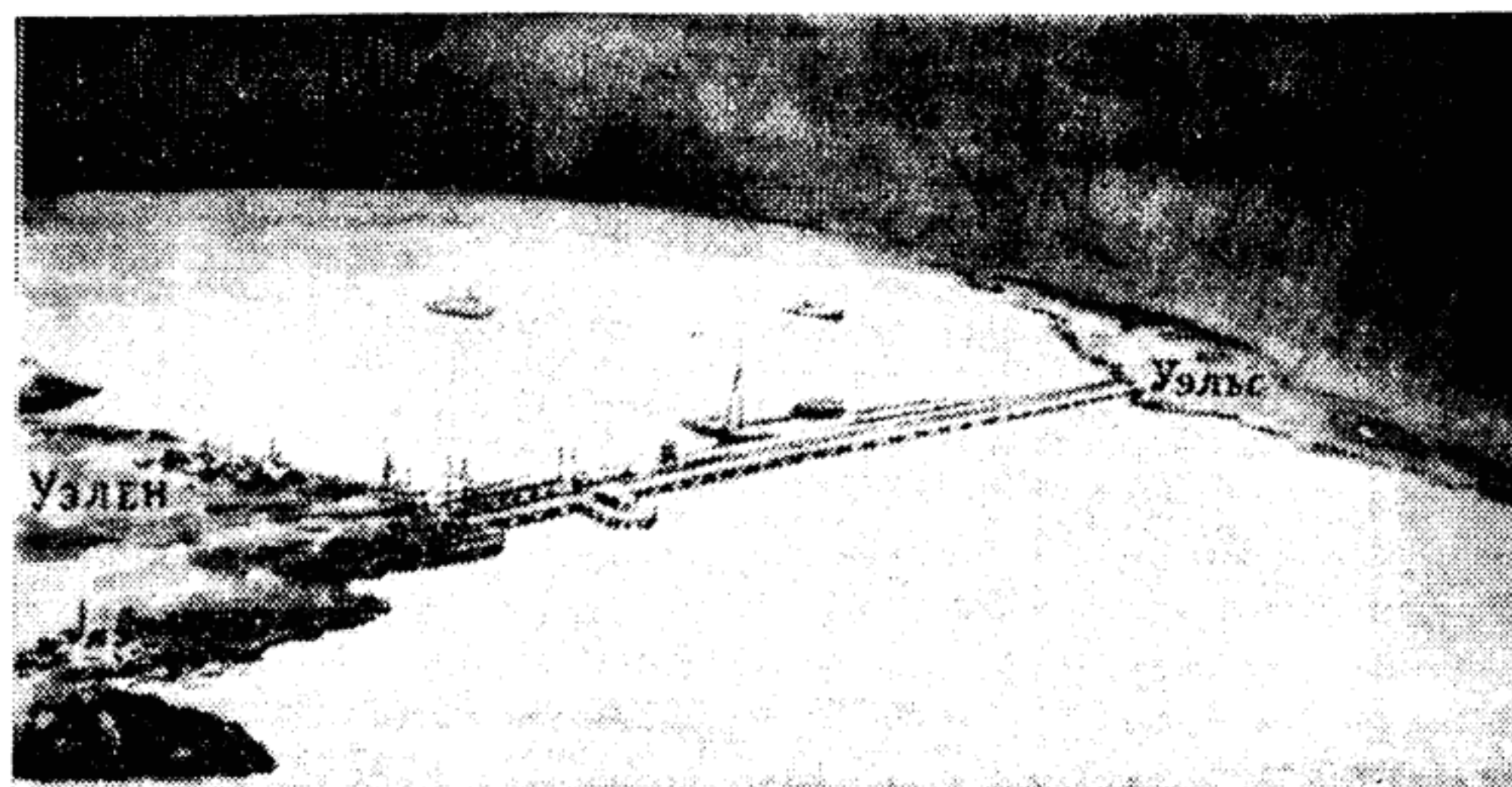
Десятилетие со дня смерти Ярослава Галана

И СПОЛНИЛОСЬ десять лет со дня гибели Ярослава Галана — замечательного украинского писателя и общественного деятеля, неутомимого борца против фашизма, украинского буржуазно-национализма и Ватикана. В клубах и библиотеках, учебных заведениях, на предпринятых и в колхозах Львовской области проходят литературные вечера и читательские конференции, посвященные жизни и творчеству писателя-большевика. Львовский драматический театр имени Марии Занковецкой поставил в новой сценической редакции пьесу Ярослава Галана «Лодка качается...».

24 октября в Киеве в республиканском Доме литераторов под председательством Юрия Смолича состоится вечер памяти Ярослава Галана. С докладом о жизни и творческом пути писателя выступит Б. Буярик. КИЕВ. (Наш корр.)

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ:

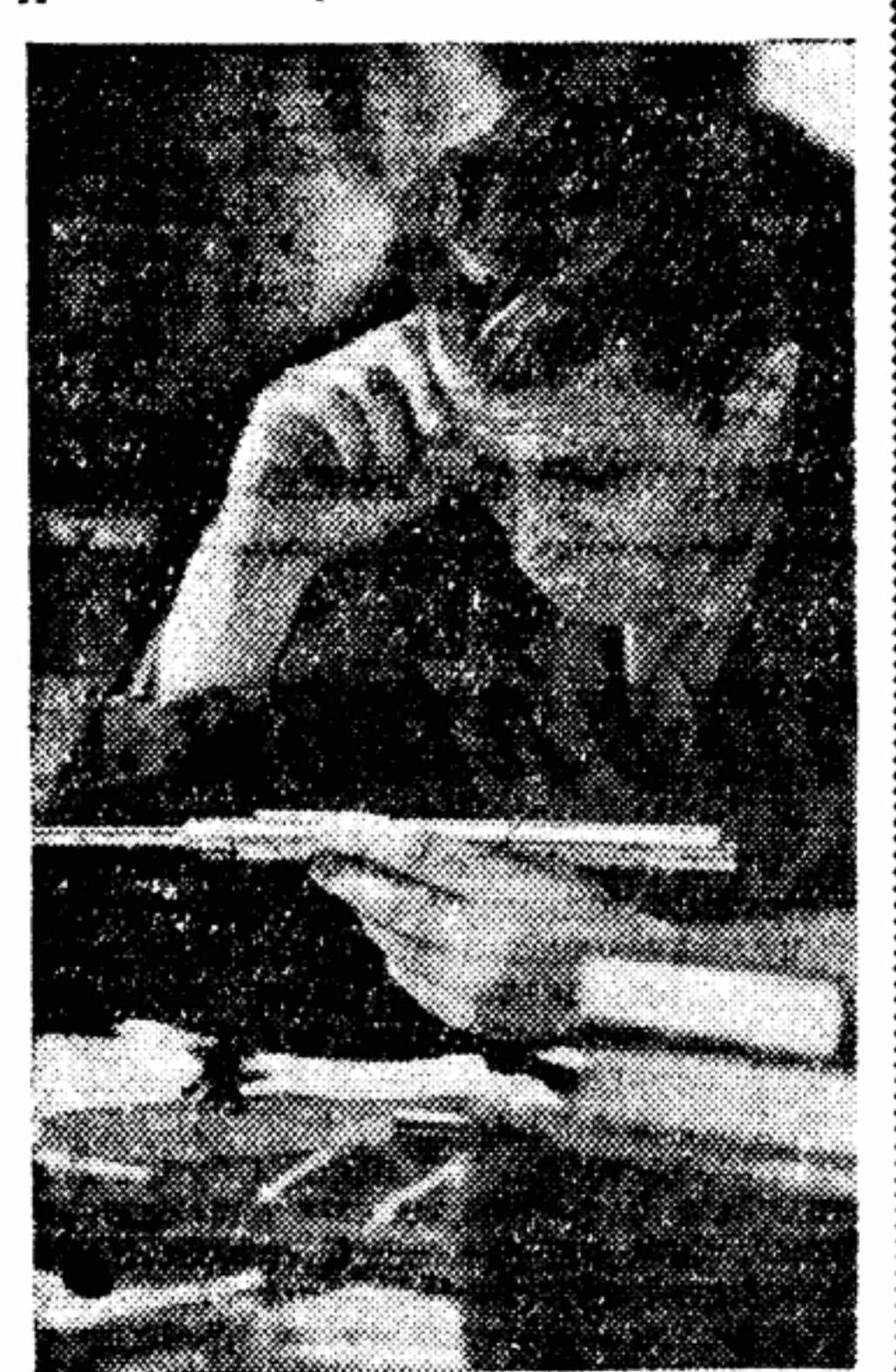
- ★ В. Соловьев. Поэзия борьбы.
- ★ Борис Любимов. Плотина Берингова пролива.
- ★ Белла Ахмадулина, Константин Ваншенкин, Юлия Друнина, Леонид Завальнюк, Леонид Мартынов, Илья Сельвинский. Новые стихи.
- ★ Юрий Яковлев. Наш друг библиотекар.
- ★ Л. Лиходеев. Сила притяжения.
- ★ Юрий Панкратов, Иван Харламов. Фельетон.
- ★ Павел Антокольский. Вечный поиск.
- ★ Владимир Беляев. Тайное всегда станет явным.
- ★ Неделя искусства.

Наш фотореспондент М. Трахман заглянул в читальный зал Библиотеки имени В. И. Ленина...

Посмотрим, что пишет коллега...

Так сколько же будет дважды два?

НАШ ДРУГ БИБЛИОТЕКАРЬ

ПЕРЕДО мной лежит моя новая книга. От шестидесяти страниц пахнет свежей типографской краской...

Однажды в одной библиотеке мне довелось наблюдать такую сцену. Группа молодежи стояла у стола выдачи книг...

В последнее время, в связи с бурным развитием кибернетики, у нас часто говорят: какую специальность можно считать речью-электронной машиной?

Регистрация приезжающих участников совещания — с 9 утра до 10 вечера в Доме союзом... Нескончаемый поток людей — с поездами, с самолетами...

Он забывает о своем детстве. Он подобен кукушке, которая несла яичко в чужое гнездо и успокоилась. А что будет с птенчиком?

Мы мало берем от библиотек, но мы им мало и даем. Как редко мы встречаемся с библиотекарями, с людьми, от вкуса которых зависит судьба наших книг.

Мертвым грузом. Мы должны разбудить любовь к поэзии в первую очередь у этой девушки! И говорю об этом с тревогой...

Библиотека — передовое советское учреждение. Стоит внимательно присмотреться к ее деятельности, и вы убедитесь, что библиотека плет в ногу с жизнью...

Мы живем в то счастливое время, когда коммунизм строится на наших глазах, нашими руками. Принятое недавно замечательное постановление о сокращении рабочего дня...

4. Может, уже появились Кукрыники в математике?

СЛА ПРЯЖЕНИЯ

МОГУЩИЕ новенькие мотриры покончили со своих боевых лафетах, повернув в пол-оборота жерла...

А были покупатели. Обыкновенные наши покупатели, кажется, даже без усов. Они покупали мотриры...

Обыкновенный автокран пользуется все большей симпатией домашних хозяек. Эта заслуженная симпатия переходит в любовь...

ФЕЛЬТОН

СЛА ПРЯЖЕНИЯ

«Возня», дорогой читатель, слово не очень художественное. Так вот, «возня» на языке ленивого бюрократа обозначает «производственный процесс»...

С новостями много возни. Кузнечий металлургический комбинат гонит кроваку для грудных младенцев...

Возня — дело неприятное. Планирование в тоннах и рублях — лучшее средство для ликвидации возни...

Плотина Берингова пролива

Юмчанье. Начало на 1-й стр. — Ну что вы! — удивился Петр Михайлович. — Какое там сотни! По приблизительным расчетам, плотина обойдется примерно в 70 миллиардов рублей...

Когда произойдет потепление...

Такая возня плотина в Беринговом проливе. Пока в мечте, на бумаге... Что же будет, когда проект сойдет с листов ватмана и воплотится в бетон и сталь?

Условия работы каковы, условия! — подчеркнул он. — Ведь Берингов пролив — не Волга, не Енисей. Безлюдные места. Необыкновенные масштабы. Такую грандиозную проблему очень трудно, а быть может, даже и невозможно решить одному...

И тут, — заключает Петр Михайлович, — хотелось бы пометать вот о чем: руководители этих государств встретились в Вашингтоне, а немного позже встретятся в Москве, чтобы продолжить начатый в Вашингтоне разговор о многих делах, волнующих все человечество...

3. Полное услаение достигается только тогда, когда вы вдвоем.

МУДРЕЕ ОРА...

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. ОРБЕЛИНИ

ГДЕ более глубокий след оставил этот замечательный человек — в истории или литературе грузинского народа? Кем был он — государственным деятелем, великим писателем или ученым-лексикографом?

Эпоха конца XVII — начала XVIII века была в Грузии, по выражению Саиди, «веклопотопная, словно волосы негра». Внутренняя разобщенность, феодальные междоусобицы, ожесточенная борьба местных князьков за власть...

Орбелини Вахтанг VI, отшельник Саба расстается с миссарьером. Но и на этот раз обрывается деятельность Орбелини. Вновь опала и вновь годы скитаний...

Большой, полный горьких разочарований, наступил Орбелини на родную землю. И тогда впервые с надеждой он обращает свой взор на Россию. 67 лет исполнилось Сулхану, когда он в составе многочисленной свиты Вахтанга VI отправился в Петербург...

Белла АХМАДУЛИНА

СТИХИ О НОВОЙ СИБИРИ

БУРЛУК

Тоннель, оглашаемый эхом.
Гудок на высоком мосту.
И кончится солнце на этом,
и канет состав в темноту.
О сырость, нависшая сверху,
минутная ночь среди дня.
В тоннеле предчувствие света
всегда волновало меня.
Бурлук смотрит гордо и скупю.
Он даром не даст ничего.
И темень ложится на скулы
людей, поборовших его.
Здесь грохочет камень и кабель
принудливо никнет к скале,
увещанный грозными каплями,
накопленных в этой земле.
Мне нравятся эти ребята,
проходившие древние горы.
Простая их речь грубовата
и лица чисты и добры.
Работа мне нравится эта,
в которой важнее всего —
идти, удаляясь от света,
чтоб снова достигнуть его.

КЕМЕРОВО

К нам города чужие строги
и словно замкнуты в себе,
пока мы озираем стройки,
не ведая об их судьбе.
Со смутным чувством одиноким
прошла я на исходе дня
сибирским городом далеким,
и он не замечал меня.
В свои заводы и заботы
он был глубоко погружен.
Дома, деревья и заборы
мне нехотя доверил он.
Он восходил дымами в небо
и мне свободу даровал,
и все же сумрачно и нелюбо
смотрел и мне не доверял.
Но вот вошла я на пригорок
над Томью, и, вздохнув легко,
мне вдруг открылся этот город
доверчиво и далеко.
Велик он был. Но кто начало
его воздвиг, разбил жильё?
О, Кемерово, что означало
назрелые провидице твоё?
И так взыгранно, пристрастно,
как будто город был моим,
оглядывая я пространство,
могуче занятое им.
И город тот, меня проверив,
гудел, дымя, мердал огнем.
Он величав был и приветлив.
И мне не позабыть о нем.

Константин ВАНШЕНКИН

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК

Неизвестный художник давнишнего века,
— Может, был он известен, но в узком кругу,
— Написал на холстине портрет человека
Так, что глаз от него оторвать не могу.

Краска дупится, трещинки, как паутина.
Реставратор, волнуясь, трясет головой.
Но живет и поет о бессмертье картина,
Потому что написана кистью живой.

И рождается отзвук в сердцах и на лицах,
Потому что и замысел в сердце рожден.
Неизвестный — в каталогах всех и таблицах
Меж другими, известными и таинственными.

Я стою, покоренный искусством чудесным,
Чей в веках сохранился отчетливый след.

Я бы только мечтал стать
таким неизвестным
Где-нибудь через
триста-четыреста лет.

Внизу это лицо — губы,
сжатые плотно,
Утомленный и все
понимающий взгляд...

Пусть живут мастера
Неизвестных полотен,
Как светильники — в честь
Неизвестных создат.

Юлия ДРУНИНА

Жизнь моя не катилась
Величавой рекою —
Ей всегда не хватало
Тишины и покоя.
Где найдешь тишину ты
В жизни воина трудной? —
Нет, бывали минуты,
Нет, бывали секунды:
За минуту до боя
Очень тихо в траншее,
За секунду до боя
Очень жизнь хорошеет.
Как прекрасна травинка,
Что на бруствере, рядом!
Как прекрасна!.. Но ты
Разрываешь снарядам.
Нас с тобой пощадил
И снаряды, и мины,
И любовь с нами в ногу
Шла дорогою длинной.
А теперь и подано
Никуда ей не деться.
А теперь, наконец,
Успокоится сердце.
Мне спокойно с тобой,
Так спокойно с тобой,
Как бывало в траншее
За минуту до боя...

О ЧУВСТВЕ НОВОГО

РАЗГОВАРИВАЯ со старыми мастерами, чувствуешь их тревогу: что за люди придут им на смену? Ведь будущая поэзия будет именно такой, какой ее сделают эти молодые люди, которым сейчас по двадцать лет. Не случайно в последнее время появилось немало статей и рецензий о творчестве молодых. Но редко берут слово они сами. А это позволило бы прояснить лицо новой писательской смены, узнать о вкусах, стремлениях и симпатиях литературной молодежи. В этом смысле, нам кажется, и могут быть интересны раздумья двух поэтов, только стоящих на пути в литературу.

Необходимым условием развития искусства является преемственность поколений, когда одно передает другому эстафету мастерства. Но литература диалектична. Противоречия ее — в непрерывной борьбе нового со старым, вновь открытого с отжившим. И когда на смену старому поколению приходит молодое, возникает вечная проблема «отцов и детей». Хорошо сказала об этом одна молодая поэтесса:

Дитя, не будь умней отца.
Не трагй этого растенья:
Его колоско венца
Мучительно прикоснове.

Но, одержимый жаждой боли,
Не в силах совладать с собой,
Ты выбегаешь утром в поле,
Чтобы изведать эту боль.

Молодость всегда хочет потрогать своими руками «колосное растение» мудрости, и в своем стремлении переосмыслить жизнь, пересмотреть установившиеся привычки и вкусы она впадает в крайности, совершает ошибки, которые порой принимаются за установившиеся взгляды и убеждения и вызывают справедливые нарекания.

Людам нашего поколения часто приходится слышать упреки:
— Что дали ваше поколение? Стиль?

— Нет, — отвечаем мы. — Наше поколение подняло целину и трудится сейчас на стройках семилетки.

Этим летом по путевке ЦК ВЛКСМ мы побывали на крупных стройках Урала, Сибири и Северного Казахстана. Разговаривая со своими сверстниками, мы находили то взаимопонимание, которое свойственно людям одного поколения. И думалось о том, как часто мы забываем, что наше время несет в себе ошачивающий заряд нового отношения к человеку. Мы, нередко знаящие о больших делах понаслышке, приехав на Кузнецкий металлургический комбинат, подружившись с его людьми, увидели, что черты будущего в их характерах, стремлении к труду и творчеству, их духовные запросы растут еще быстрее, чем стены возводимых нами домен. И кому, как не поэзии, дано отразить этот небывалый человеческий рост? А мы часто воспеваем «абстрактные» города, села, заводы, говорим о людях проферы, механики, монтеры, забывая о самой человеке, о сложном строе его чувств. Поэзия призвана очеловечить, воплотить в конкретных деталях конкретные факты времени, показать не лопату, а тепло человеческой руки на ее черенке.

Главная беда многих сегодняшних поэтических сборников в том, что в них — не живой облик человека, а омертвевший бездушный робот. А душевный мир советских людей богат и разнообразен, они живут интересной и полноценной жизнью, и их не могут удовлетворить холодные и бездушные стихи. Необходимо, чтобы творчество поэта было неразрывно связано с его жизнью и биографией, а его жизнь и биография — с судьбой всего народа. Нужно, чтобы время не усыновляло произведений, а само являло их на свет.

Раздумывая о будущем советской поэзии, задаешь себе вопрос: не отстанет ли она от большого роста экономики и культуры, происходящего в стране? Ведь вкусы наших людей постоянно растут, их запросы становятся все шире и разнообразнее. И время не ждет, оно предъявляет писателю все более

и более высокие требования. Вот почему проблема мастерства приобретает особое важное значение. Под мастерством у нас часто понимают ту или иную степень владения техникой стиха и говорят о совершенствовании мастерства как о совершенствовании ремесла, связывая мастерство чаще с традицией, чем с поиском. Куда уместнее говорить о мастерстве в связи с новаторством, потому что в свежем, талантливым сказанном слове уже заключен элемент истинного мастерства, а вещи, поворачиваясь сказанное, в лучшем случае мастерски сделаны. Но ключом к настоящему поиску дает традиция.

С легкой руки верификаторов под новаторством привыкли понимать только языковые поиски, эксперименты, словесную игру. Но смысл новаторства куда глубже. Например, сознательный отказ от внешнего поиска в пору всеобщего увлечения экспериментом окажется куда более глубоким новаторством, чем точнейшие словесные ухищрения. И тем не менее сейчас, когда форма стала явно отставать от содержания, поэтические приемы обветшали, поиски новых изобразительных средств крайне необходимы. Мы часто забываем, что новое содержание требует всегда для себя нового выражения и что нельзя писать о спутниках и ракетах стихом времен турецкой войны.

Вот в этом равновесии между содержанием и найденной для него формой и состоит смысл новаторства. Изменяются вкусы людей, растут их запросы, в строительстве и архитектуре внедряются новые формы и материалы, используются последние достижения техники, а ведь и в поэзии существует своя поэтическая техника, своя неподатная целина образов, свои неоткрытые пласты словарного запаса. Новый ритм жизни, новый темп времени требуют, чтобы искусство выражало его в новых формах и линиях, а поэзия — в новых образах, ритмах, приемах.

Где-то эхом прокатился гром.
У подножья гор упал и замер.
Стая теперящих знатных чабанов,
Даже награнный ордами.

Не надо превращать строфу в какую-то железную клетку, в которую приходится загонять поэтическую мысль. Стиху нужно дать большой простор, чтобы слово стояло свободно.

Сейчас трудно предугадать все то новое, что придет в поэзию, — будет ли это ударная строфа или свободный стих. Однако можно сказать с уверенностью: отличительной чертой будущей поэзии будет ее естественность.

Часто вместо этого слова употребляют другое — простота. Но оно не совсем точно, и порою им пользуются для оправдания и всякого рода «псевдонародных» стихов. Поэзия должна обладать той простотой и естественностью, которую несут в себе стихи наших великих поэтов и лучшие образцы народного творчества.

К сожалению, ныне критики, ратуя за простоту и понятность, на деле выступают за примитив, против поисков и новаторства.

Такие мысли приходят в голову, когда читаешь в нашей печати потоки серых, невыразительных стихов. На это можно было бы, пожалуй, и не обращать внимания, если бы в них не говорилось суконым и аллюзивным языком о самом дорогом и святом для советского человека — о любви к партии и к Родине, о наших больших и светлых идеях. Открываешь книгу, а там написано следующее:

Хамелеона меняться пристало,
Ишершам — отлавлять хвосты.
А мы — коммунисты,
Нового мира начало,
Целинные пласты.

Это сочинил и напечатал молодой поэт из Куйбышева. Не пора ли понять, что люди ополчающие наши высокие чувства, стирание и портящие язык, делают вредное дело.

Существует такое понятие — аэрация воды. Когда в чистую реку попадают посторонние примеси, река борется с ними, активно самоочищается. Где-то случится в нее грязную воду, а через тридцать километров снова течет чистая, незамутненная река. Это среднее явление, происходящее в поэзии: уйдет, оседет на дно все лишнее и серое, сойдет мутное половецкое случайных и нерешительных вырв (тем скорее, чем больше мы боремся с ним), и опять течет светлая река поэзии.

Так давайте откроем наши сердца вешнему ветру современности, будем следовать поискам и находкам века, шире откроем дорогу творчеству и дерзанию, не выпуская при этом из рук компаса высокой идейности и партийности, который, указывая путь в будущее, не позволит писателю сбиться с верной дороги.

Мы взяли на себя смелость начать этот разговор, так как мы, молодые, только вступающие в поэзию люди, принимаем близко к сердцу все ее успехи и неудачи и хотим, не боясь в чем-то ошибиться, прямо и откровенно сказать, что мы думаем о ее настоящем и будущем. А это так необходимо.

Юрий ПАНКРАТОВ,
Иван ХАРАБАРОВ,
студенты Литературного института имени М. Горького

Еще одно доказательство, что наука сближает людей.

ВЕЧНЫЙ ПОИСК

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

СЕЛЬВИНСКОМУ — 60 лет. Странно вздуматься в реальный смысл этой почтенной даты и в то же время вспомнить Сельвинского двадцативосьмидесятилетним красавцем и крепшом, юнцки угловатым и угрюмым, — таким, каким он вошел в московскую поэтическую среду. Да и среда эта более нежная тридцатилетней давности совсем не похожа на нашу сегодняшнюю писательскую общность! Крохотные, художеские кружки, где мало печатающихся и совсем не признанные поэты наращивали свои последние опусы, где рядом с небыточными альманахами заваривались непрочные направления и группировки но сходству и смежности; где отдельные молодые особы росли по мере сил, а другие оставались на точке замерзания, но и те и другие долго еще не замечали перемены или замерзания ни в себе, ни в ближнем своем... Как давно это было!

В середине двадцатых годов имя Сельвинского казалось прочно связанным с направлением конструктивистов, с этой шумной и очень разнокалиберной группой. Сельвинский был ее признанным главой. Ошибочные манифесты этой группы, объединенные в сборнике «Визис», давно уже осуждены нашей историей.

Направление сгнило. Поэты, сильные и разные, остались. Среди них — Сельвинский, Луговской, Багрицкий. Им предстояло расти и расти. — Багрицкому, к несчастью, еще молодой срок.

Поэт, смелый до дерзости и безрасчетности, — таким было первое впечатление от молодого Сельвинского. Сознать, что и сегодня я могу говорить о нем теми же определениями. В начале поэтического пути Сельвинский с упорной страстью работал над материалом неподатливым и необжитым в расхожем поэтическом языке. Закрывающая ли это интонация цыганского романа, былой ли жаргон — поэту нужны были средства поэтической выразительности, иногда раздражающие, но во всяком случае свежие и физические ощущения.

Эта была настоящая лаборатория поэтического языка. Здесь могли лопаться на огне колбы и пробирки, мог раздаться взрыв, не принятый в литературной гостиной, — но работа шла всамделишная.

Пригодилась ли она в развитии нашей поэзии? Еще как пригодилась! Правда, в сегодняшнем «избранном» Сельвинском не найдешь и следа его ранних опытов. Может быть, он и сам не слишком горюет об их отсутствии, не знаю. Но у горного перевала, который называется старостью, я вспоминаю ранние стихи товарища с уважением, — хотя бы потому что сам отталкивался от них, да и не я один. В жизни нашего поколения этот кладовщик, экспериментатор и следопыт сыграл роль положительную, выполнил функцию необходимую, хотя и не всегда благодарную в культуре.

Случалось, что ему не хватало элементарного такта и вкуса. Он мог увлечься задачами случайными, боковыми, увлечениями от искусства, нужного народу. Да, да, зачем умалчивать об этом даже под юбилей? Кто из нас бывал больше, жесточе и громогласнее раскритикован и обруган, нежелез он? Он действовал за свой страх и риск, и его «провалы» порою поучительнее, нежели чистописанные ины.

На этой газетной полосе невозможно проследить все повороты его творческой дороги. Знаменитая «Улыасвщина» глыбой вошла в сознание, память и обиход читателей. В ее лихих, диких ритмах и сегодня живет воздух, разорванный вихрями гражданской войны, звучит топот казачьей конницы.

Первые драмы Сельвинского, «Командар 2» и «Умба—Белый Медведь» бы-

О, современники мои,
Сяде с детства поколене!
Мы шли в субробах по колени,
Вели железные бои,
Сквозь наши зубы дым и выгоа
Не в силах вытасить ни звука...

Каждое бы, какая беззащитность, — это конец песням, конец любой музыке для поколения. Но вот еще будут сказаны очень широкой и сочувственно взволнованной аудиторией.

На одном из произведений Сельвинского той эпохи хочется остановиться подробнее. Это написанная перед самой войной лирическая трагедия «Бабек», — впоследствии автор назвал ее по-другому: «Орла на плече носящий». Трагедия эта свидетельствует о самом существенном приобретении поэта — о его способности

ли в то же время одним из первых спектаклей на советской сцене, в которых слово поэта прозвучало полковоеско для очень широкой и сочувственно взволнованной аудиторией.

На одном из произведений Сельвинского той эпохи хочется остановиться подробнее. Это написанная перед самой войной лирическая трагедия «Бабек», — впоследствии автор назвал ее по-другому: «Орла на плече носящий». Трагедия эта свидетельствует о самом существенном приобретении поэта — о его способности

С тех пор, как кончилась война, прошло неполных пятнадцать лет. Срог не малый и в биографии отдельного человека, и в истории целого поколения. За плечами далеко не молодого поэта вырос самый фундаментальный и значительный его труд — драматическая трилогия «Россия». В этой книге шестссот печатных страниц. О ней еще будут сказаны отчетливые слова, она ждет объективной критики и оценки. Но и сейчас ясно богатство мира, заключенного в этом «драматическом эпосе». Трилогия Сельвинского пропизана единым пафосом, историко-философским и лирическим одновременно: пафосом постижения России, постижения удивительной судьбы русского народа. Оно осуществлено поэтом на огромном историческом просторе: от Ильясовской войны — через Польшу — и, наконец, заключительная часть трилогии вся посвящена высоким дням Октябрьской грозы.

Ждет опубликования еще одна новая большая работа Сельвинского — его творчески смелая интерпретация нашего богатейшего эпоса с центральным образом Ильи Муромца.

Итак, шестидесятилетие поэта. Что же пожелать ему?

О, многое, слишком многое, продиктованное и давней братской близостью, и уважением. Тут можно и должно упомянуть и здоровье, и долголетие, и мирные, суровые в своей ясности утренние часы труда, в котором Сельвинский прывик с юности.

И еще одно хочу я пожелать, нужное и самому Сельвинскому, и множеству его читателей. Пускай, наконец, будет собрано в возможно более полном виде сделанное им за сорок лет работы! Эти полновесные тома будут читать и перечитывать, и многие, очень многие найдут в них свое и дорогое для себя, как это пытался сделать я в своем отклике на праздник друга. Недаром Сельвинский сказал когда-то:

Поэзия! Ты — служба крови!
Так перелет себя в других
В имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Мамонт

Как впаивный в льдину мамонт,
Дрейфуя, серебряно-бурый.
Стихи мои точно пергамент
Заблуд, но мощной культуры.
Вокруг, не зная печали,
Пеструшка резвится наспех,
А и покидав прищальи,
Вмурованный в синий айсберг.
А я за полярный пояс
Плыну, влекомый теньем.
Меня приветствует полюс,
К своему причисляя меня!
Но не! Дотянусь до мыса!
К былому меня не причалишь.
Пульсирует,
стонет,
дымится
Силы дремучая залежь.
Я слышу голос Коммуны
Сердцем своим горючим.
Дни мои — только кануны,
Время мое — в грядущем.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Мамонт

Как впаивный в льдину мамонт,
Дрейфуя, серебряно-бурый.
Стихи мои точно пергамент
Заблуд, но мощной культуры.
Вокруг, не зная печали,
Пеструшка резвится наспех,
А и покидав прищальи,
Вмурованный в синий айсберг.
А я за полярный пояс
Плыну, влекомый теньем.
Меня приветствует полюс,
К своему причисляя меня!
Но не! Дотянусь до мыса!
К былому меня не причалишь.
Пульсирует,
стонет,
дымится
Силы дремучая залежь.
Я слышу голос Коммуны
Сердцем своим горючим.
Дни мои — только кануны,
Время мое — в грядущем.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Мамонт

Как впаивный в льдину мамонт,
Дрейфуя, серебряно-бурый.
Стихи мои точно пергамент
Заблуд, но мощной культуры.
Вокруг, не зная печали,
Пеструшка резвится наспех,
А и покидав прищальи,
Вмурованный в синий айсберг.
А я за полярный пояс
Плыну, влекомый теньем.
Меня приветствует полюс,
К своему причисляя меня!
Но не! Дотянусь до мыса!
К былому меня не причалишь.
Пульсирует,
стонет,
дымится
Силы дремучая залежь.
Я слышу голос Коммуны
Сердцем своим горючим.
Дни мои — только кануны,
Время мое — в грядущем.

Говорят, Менделеев увидел свою периодическую таблицу во сне.

ТАЙНОЕ ВСЕГДА СТАНЕТ ЯВНЫМ

из военных и гражданских служащих к нему не заходили».

Немало пикантных подробностей из кровавой практики Оберлендера и его коллег мог бы порассказать один из фюреров украинских националистов, обосновавшийся в Мюнхене Степан Бандера — по гестаповской кличке «Серый». Он мог бы поведать, как на рассвете 4 июля 1941 года эсэсовцы и «солдаты» из батальона «Нахтигаль» провели из «Бурсы Абрагамоновичей», что на Калеской горе во Львове, к лощине близ Вулицей большую группу выходящих ученых Львова. Раздали залпы. Под пулями «солдатов» в наспех вырытую яму упали академик писатель Талеуш Бой-Желенский, академик Антоний Цешинский, профессор Ян Грек, профессор-хирург Талеуш Островский, профессор Роман Ренчик, профессор Роман Лонгшам и многие другие — всего тридцать шесть человек!

Владимир БЕЛЯЕВ

должен убит в первую очередь, ибо они «могут вести свою политику». Каждый украинский националист, в особенности если он служит в гитлеровских войсках, должен быть принят участие в составлении такого «черного списка» — к этому его обязывала написанная лично Степаном Бандерой инструкция: «Борьба Организации украинских националистов во время войны». Важно заметить, что о составлении такого «черного списка» отлично знал прикомандированный авебером к легиону «Нахтигаль» старший лейтенант вермахта, переводчик и эксперт «по общению с народами других национальностей», нынешний министр ФРГ по делам переселенцев доктор Теодор Оберлендер.

Ныне ближайший соратник канцлера Аденауэра господин Оберлендер стал заметно нервничать. Причина того — в умеренной лояльности газет, помещавших за последнее время ряд публикаций о прошлом воинствующего ревациста г-на Оберлендера. Все это так толкает его скрыть грехи своей молодости, а тут какие-то штатские писки проявляют такой пристальный интерес к его биографии. Ну как тут не рассердиться? И господин федеральный министр подает в суд на главного редактора «еженедельника немецкого воссоединения» «Ди тат», выходящего в Фурале. Эта газета осмелилась опубликовать 26 сентября нынешнего года статью «На министра Оберлендера падает тяжелое подозрение». Смысл статьи — Оберлендер ответствен за убийства известных ученых и литераторов во Львове. Судебные советники города Фульда устали гневом министра и конфисковали номер газеты «Ди тат», а Оберлендер через четыре дня созвал федеральную конференцию представителей печати в Бонне.

Оберлендер заметно нервничал на этой конференции, сбивался и нагородил немало такой несуразицы, от которой уже сегодня он с огромным удовольствием отказался бы. По словам Оберлендера, легион «Нахтигаль», который ворвался под его руководством во Львов на рассвете 30 июня 1941 года, был своего рода университетским ансамблем, а назывался так потому, что украинцы хорошо пели. Ни батальон «Нахтигаль», ни другие войсковые части гитлеровцев (так говорит Оберлендер) не применяли во Львове никакого насилия и не бесчинствовали. На вопрос представителя газеты «Нейс Дейчланд», чем же занимался легион «Нахтигаль», кроме пения? — Оберлендер заявил, что он, дескать, лишь десять недель руководил этим подразделением и что за это время не было произведено ни одного выстрела. Это прозвучало столь неправдоподобно, что Оберлендер, желая заманить вопрос, стал обвинять в расстреле мирного населения и других преступлениях... советских людей. Он красочно рассказал, как «певчие солдаты» его команды вошли во Львов на каменном полу собора святого Юра «кардинала Андрея Шептицкого», законного большевиками в кандалы. Это произошло сенсационно, только не такую, которую ждал г-н Оберлендер.

Во-первых, оказалось, Шептицкий не кардинал, а митрополит... Что же касается самого факта, то лучшим свидетельством является опубликованное во «Львовской правде» примечательное письмо:

«Я, Гавриил Стефан Григорьевич, рождения 1898 года, свидетельствую о том, что в 1930 году я служил ласкем у митрополита Шептицкого. До самой его смерти, которая произошла 1 ноября 1944 года, неотлучно находился при нем. Во время отступления из Львова советских войск в июне месяце 1941 года я неотлучно находился при митрополите. Его никто не арестовывал и даже никто

не обнаружил «тайнственную рукопись», оказавшую кое-кому такую трогательную услугу. Но живы тысячи людей, отлично помнящих кошмар фашистской оккупации Львова, многих других городов и сел нашей страны, куда врывались «солдаты» нынешнего министра с гранатами и автоматами в руках. Живы в Польше вдовы и дети убитых профессоров и писателей. Уж кто-то, но они отлично запомнили ту страшную ночь с 3 на 4 июля 1941 года, когда эсэсовцы с националистическими нашивками у плеча вытаскивали из квартир и вела на расстрел их близки. Жив во Вроцлаве молодой хирург Томаш Цешинский, который отлично помнит, как вела на расстрел его отца, уважаемого стоматолога, академика Антония Цешинского, принесшего столько пользы человечеству своими открытиями. Жив и вдова профессора-математика Антония Доминицкого, библиотекаря Мария Доминицкая, которая собственными глазами видела из окон своей квартиры по улице Котляревского, как расстреливали фашисты ее мужа. Жив и служит делу культуры актер Государственного Польского театра в Варшаве Станислав Желенский, который может рассказать о том, как был застрелен соратниками Оберлендера его отец, писатель Талеуш Бой-Желенский, скромный, милый человек, выдающийся писатель!

Эти и другие люди знают всю правду; они видели и поняли, что такое фашизм в действии, от которого пытаются сегодня откеститься некоторые бонские министры и другие «эксперты». И сколько бы пресс-конференций ты ни проводишь, в каком бы тайном и явным убийствах ни прибегали, убирая нежелательных свидетелей, все тайное рано или поздно станет явным!

Кадр, посвященный пребыванию Никиты Сергеевича на Рязанщине, его беседы с молодыми дарованиями колхоза «Россия» Ниной Мордасовой и Машей Максимовой. Собрав богатый и интересный фактический материал (на одно это ушли месяцы), авторы фильма со строгой требовательностью взяли из него лишь лучшее, сильное, яркое. Поэтому так выразительно развертываются перед нами короткие киноновеллы о наших главных современниках — о русском враче, ленинградце Антоние Никифоровиче, в годы Отечественной войны спасшей жизни сотням узников фашистского лагеря Равенсбрюк, о ее подруге Верре Матюцкой, о советском ученом, исследователе космических лучей Лидии Васильевне Курносовой, и о вышеупомянутой работнице Валентине Гагановой, чей замечательный почин подвиг, как песня, по всей стране, и о многих и многих других женщинах-труженицах, выросших, подвизавшихся за четыре советских десятилетия.

Фильм «Дочери России» продолжает ту линию боевой кинопублицистики, которую И. Котенко и Е. Учитель начали картиной «Русский характер». Фактически это две серии единого киноновствования.

Оба эти фильма подтверждают существование в нашей кинематографии интересного и плодотворного течения, которое на фактическом, документальном материале создает произведения большой обобщающей художественной силы.

А. ПОЛОВНИКОВ

Люди из Тибета

ПОСЛЕДНИЕ дни Генералы в Ассамблее ООН потратили немало времени на незаконное обсуждение так называемого «тибетского вопроса»...

К сожалению, в своей поездке по Китаю Тибета я не достиг — не только высоко, но и далеко. Но я стоял у порога этой заоблачной земли, жадно прислушиваясь к восточным ветрам, доносящим запах снега и гребней. Я видел людей из Тибета и убедился: его судьба ясна. Ясна в том смысле, что определена самим народом и не подлежит посторонним обсуждениям. И ясна в том смысле, что идет к свету.

Люди из Тибета, которых я встретил, — кто они? В Пекине на юбилейных торжествах я близко видел павчел-арти. Вместе со всеми он праздновал десятилетие освобождения Китая.

В самолете, шедшем в город Спань из Чану от подступов к Гибуту, я говорил с бойцом Народно-освободительной армии. Ему, привыкшему к поднебесной высоте тибетских долин, в самолете было слишком низко, болела голова. Выяснилось, что после ликвидации реакционного мятежа боец едет в отпуск. Значит, в Тибете спокойно.

В Цяоюане, на краю пустыни Гоби, я встретил молодых китайских геологов — они выходили из самолета, прибывшего из Тибета. Выгружали ящики с образцами пород. В Ланьчжоу я столкнулся с гидроэнергетиками — они вернулись из окрестности озера Букунор, северной окраины Тибетского нагорья: туда, в Синин, только что прошла железная дорога. Геологи, энергетика, дорожники — эти люди несут с собой индустриальное будущее Тибета.

Я посетил буддийский монастырь. Монастыри — не одинокие. Но в этом прозвучало следующее. Я спросил главного священнослужителя: — Фотографировать можно?

Тот ответил: — Вообще нет, но вам можно, потому что Советский Союз по-братски помогает Китаю.

Я видел страстные вещественные свидетельства, оставленные из вчерашнего Тибета: чаша из человеческого черепа с металлическим ободком; бич, при удаче вырывающие клочья мяса; кожаную сумку с ребенка; инородные винтовки и парашюты...

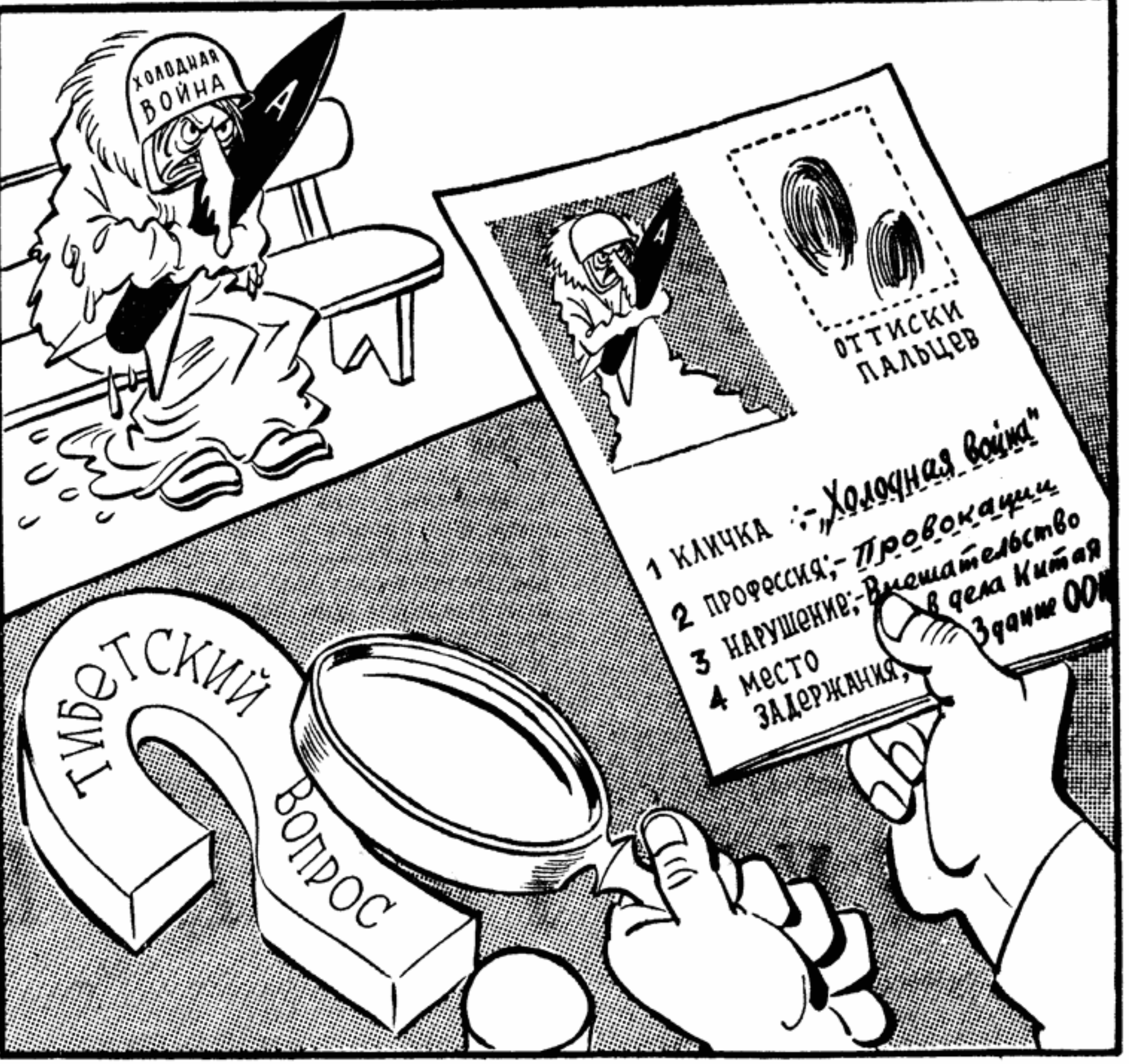
И еще я видел нескольких тибетцев, спустившихся отсюда, сверху. На руках женщины, одетой в красное, — мальчик, у которого вырван глаз. У другой женщины, активистки, мятежники изуродовали рот: они его зашили. Третий, рабочий народной полиции, когда я перевел на него взгляд, поджал навстречу мне обрубки рук...

Это — от ужасающего прошлого, уже отвергнутого. Путь Тибета ныне совершенно ясен.

Н. И. МИХАЙЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПЕКИН

ПЕРЕД СУДОМ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Сторонники «холодной войны» пытаются обострить международную обстановку с помощью так называемого «тибетского вопроса». Этот провокационный вопрос назван ими XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН с единственной целью ухудшить обстановку на Ассамблее и затруднить решение вопросов, направленных на оздоровление международной атмосферы. (Из газет)

Снова рецидив! Рисунок Н. Лисогорского

На невидимой стороне Луны...

МОЖНО ли уже сейчас, еще до опубликования данных, полученных с помощью третьей советской космической ракеты, сделать некоторые предположения о строении невидимой стороны Луны?

С таким вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к ученому секретарю Комиссии астрономии и гелиогеографии Географического общества СССР Геннадию Николаевичу Каттерфельду.

Как известно, — говорит Геннадий Николаевич, — вследствие либрации Луны, небольшие матушкообразные качания нашего природного спутника по его широте и долготе, мы знаем не половину, а больше — 59 процентов всей поверхности Луны. Эти девять процентов, приоткрывавшие завесу над неведомым селенографическим пространством, в начале нашего столетия были тщательно изучены Юлиусом Францем, астрономом университетской обсерватории в Бреславе (ныне Вроцлав). На краях лунного диска были открыты новые моря — темноцветные равнины Луны, представляющие собой более пониженные области по сравнению со светлыми возвышенными местностями, где много кратеров. Так, на карте Луны появились на крайнем западе и юго-западе Южное море, моря Абея, Гумбольдта, Смита, Пены, Волн, Краевого, Нового и Транс-Ган. На восточно-юго-восточном крае Луны также были найдены новые моря, из которых самым обширным является Сачинное. Оно расположено на пределе видимого диска Луны, между 14° и 22° южной селенографической широты и, по-видимому, далеко простирается на ту, невидимую сторону Луны. Было установлено, что на северо-восточном крае Луны, по другую сторону Океана Бурь, начинается обширная, светлая, богатая кратерами возвышенная сторона,

совершенно лишенная морей. Антиподом Океана Бурь на обратной стороне Луны, позади ее западного края, вероятно, служит большой океан, заливами которого, по мнению Франца, и являются моря Смита, Краевого, Нового и Транс-Ган.

Обобщая свои наблюдения, Франц пришел к интереснейшему выводу, что лунные моря располагаются вдоль одного и того же большого круга, образуя в своей совокупности единый пояс, продолжающийся и на невидимой нам стороне Луны.

Среднюю зону обращенной к Земле части южной области образуют следующие друг за другом моря — Плосдордия, Спокойствия, Ясности, Дождя, Океан Бурь и море внутри кратеров Риччиоли и Бриалуди. Остальные моря образуют крайнюю северную и южную зоны южной части лунных морей. К северу и к югу этого пояса отсутствуют всякие следы моря. Максимальную ширину пояс морей имеет в Океане Бурь и, возможно, также в противоположной ему части обратной стороны Луны.

По определению Франца, южный полюс пояса морей лежит на восточном валу кратера Курция в точке координат

6° селенографической долготы и 67° южной селенографической широты. Таким образом, если закон Франца верен, то следует ожидать, что моря невидимой стороны Луны располагаются преимущественно в южном полушарии, а в северном преобладают богатые кратерами и более возвышенные области. Иначе говоря, обратная сторона Луны является как бы перевернутым подобием ее видимой с Земли стороны. В связи с этим были высказаны предположения, что пояс морей некогда располагался по древнему экватору Луны. Если это так, то можно утверждать, что со временем образованием Великого пояса лунных морей, относительное положение оси вращения Луны и ее литосферы изменилось, так как этот пояс наклонен к современному экватору под углом в 23°.

Во всяком случае, нет никаких сомнений, что фотография обратной стороны Луны прольет весьма яркий свет не только на строение, но и на историю изменения и развития фигуры и поверхности нашего небесного спутника, а полученные выводы будут иметь фундаментальное значение и для собственно земной геологической науки.

Отто Гротевольт благодарит

Тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, и советую прочитать их народные песни, — сказал Генрих Гейне. И вот перед нами отличная оформленная, небольшого формата книжка в яркой суперобложке: «Немецкие народные баллады». Они переведены на русский язык Л. Гензбургом и выпущены Гослитиздатом типогрфии «Красный пролетарий», снова издаваемой высшим уровнем своего полиграфического искусства. Замечательный графический художник Е. Бургунера, иллюстрирующая книгу.

Министерство культуры СССР отправило в Германию в подарок немцам из ГДР «Многоглаголющий товарищ министр! Я благодарю Вас за присланную книгу «Немецкие народные баллады». Вы доставили мне большую радость. Я прошу Вас передать мою благодарность коллективу Гослитиздата.

С социалистическим приветом, Отто ГРОТЕВОЛЬТ.

НЕДЕЛЯ ИСКУССТВА

Дочери России

В этом фильме много героев, много судеб — несхожих и разных. Смотришь его, и как бы листаешь книгу, каждая глава которой посвящена какой-то одной человеческой жизни. Но из этих глав складывается очень цельная, поэтичная и волнующая повесть о мужестве, трудолюбии и величии русской женщины. Русской, советской женщины, ибо главное в том, чтобы показать, как Советская власть, советский строй, партия подняли, возмужали женщину, сделали ее активной участницей строительства коммунистического общества.

Фильм начинается с незабываемого казавшегося бы, эпизода. Старая ленинградская большевичка Агриппина Ильинична Круглова проводит младшую в семье, внучку Наташу, на студенческую практику.

В первый раз девушка покидает семью — пока еще ненадолго. Но пройдет совсем немного времени, и она совсем улетит из родного гнезда в большую и трудную жизнь. Не удержишь... — с печальной гордостью говорит старая женщина. — Да и надо ли держать?!

Это — как бы пролог к фильму. Хорошая, большая мысль в этом коротком эпизоде — мысль о преемственности наших советских традиций.

Образы женщин нескольких поколений проходят перед нами. На экране мы видим современную и участницу революции, старых коммунисток, партия подняла, возмужали женщину, сделали ее активной участницей строительства коммунистического общества.

Фильм «Дочери России» продолжает ту линию боевой кинопублицистики, которую И. Котенко и Е. Учитель начали картиной «Русский характер». Фактически это две серии единого киноновствования.

Оба эти фильма подтверждают существование в нашей кинематографии интересного и плодотворного течения, которое на фактическом, документальном материале создает произведения большой обобщающей художественной силы.

А. ПОЛОВНИКОВ

„Доброй ночи, Патриция!“

Фразу эту в пьесе Альдо де Бенедетти и в спектакле Московского театра имени А. С. Пушкина произносит трижды. «Доброй ночи, Патриция!» — говорит поздно вечером министр иностранных дел Лансену своей жене. Ее повторяет генерал, продающийся с любовницей. Ее же в волнении лепечет красавец-вор Альберто. Звучит эта фраза каждый раз по-разному. И по-разному реагирует на нее Патриция — жена министра иностранных дел, любовница генерала и предмет страсти вора.

Патриция — роскошная женщина с гордо закрученной головой, в замысловатых интересах и национальных интересах стран Ближнего Востока (это, видимо, и пришло театру). Действительно, где-то за кулисами происходит заседание международной конференции, действительно, герон срываются за прибыльное место председателя комиссии по уточнению границ. И кульминация пьесы наступает, когда пост этого, благодаря Лансену и Бартому, достается вору Альберто.

Но история погони за нефтяными богатствами уходит на задний план перед мясными пошлыми перипетиями взаимоотношений Патриция и трех мужчин. Памфлет, сатира уступают место альковному анекдоту. Постановщик Н. Петров интересно и изобретательно решил некоторые сцены, в спектакле найдены точный ритм, оригинальное образное решение. Строительно распахиваются сверкающие белозубые двери, яркие

Среди первых концертов недавно начавшего сезона хочется отметить один, заслуживающий, на мой взгляд, особого внимания и особого разговора. Это выступление Московского камерного оркестра.

Он еще совсем, совсем молод. В штатах филармонии числится с 1957 года. За этот короткий срок оркестр превратился в хороший крепкий ансамбль. Руководителем оркестра, его «полу-

кне гротесковые маски хорошо монтируются с условными черно-белыми декорациями (художник Е. Коваленко). Но, увы, это лишь удачные частности. Конечно, «сатирический памфлет» (что стоит в подзаголовке пьесы) или «сатирическая комедия» (так определен жанр спектакля театром) прозвучали бы и острее, и значительнее, если бы разоблачение нравов буржуазного общества вышло за пределы алькова. Но что делать? Пьеса неуклонно влетает театр к любовным интригам Патриция и ее трех кавалеров.

Да и вряд ли возможно было всерьез, с настоящей творческой отдачей сыграть неслепый и претенциозный сюжет Грета, что режиссер, стоявший у колыбели современной советской драматургии, создал более 500 спектаклей, из которых многие не забыты до сих пор, оказался вынужденным так бесцельно тратить свои силы.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Р. Баршай с товарищами

Среди первых концертов недавно начавшего сезона хочется отметить один, заслуживающий, на мой взгляд, особого внимания и особого разговора. Это выступление Московского камерного оркестра.

Он еще совсем, совсем молод. В штатах филармонии числится с 1957 года. За этот короткий срок оркестр превратился в хороший крепкий ансамбль. Руководителем оркестра, его «полу-

кестр находится только в самом начале своего творческого пути. Он нуждается в поддержке и помощи (и вполне ее заслуживает!). Классики оставили огромную литературу для камерного оркестра; Баршай с товарищами эту литературу, как говорится, играть не переиграет. Увы, гораздо хуже обстоит дело с современным советским репертуаром: наши композиторы пишут пока мало и неохотно для такого оркестра.

А ведь сейчас возникают во многих местах небольшие по составу камерные оркестры. Им понадобится новый репертуар. И Московский камерный оркестр может и должен стать своеобразной лабораторией этого нового репертуара — разного характера и разной трудности, причем частично наиболее доступный и легкий репертуар сможет быть использован нашей самостоятельностью.

Несомненно, что Московскому камерному оркестру надо больше ездить по стране. Не сомневаюсь, что он станет тогда родоначальником целой плеяды камерных оркестров во всех наших республиках. Для советской музыкальной культуры это будет полезным и радостным приобретением.

М. СОКОЛЬСКИЙ